Заря Запада

Двухнедельный иллюстрированный журнал

Май 1949

Изд. Мин. С. Р. и К. Деп.

Май № 3.

Советская кавалерия в Минске.

МИНСК

№ 3. # ЗАРЯ ЗАПАДА Цена 3 р.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Петропавловская ул. № 30 (д. быв. Дворянск. Собрания).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 1 м.—6 р., 2 м.—12 р., 3 м.—18 р. с доставкой и пересылкой.

АДРЕС КОНТОРЫ: Губагентство Центропечати. Уг. Губернат. и Подгорн., д. Свенцицкого.

1919 г. г. МИНСК. 1 Мая.

Рабочие гимны.

Первое Мая.

В солнечных гимнах восставшего гения
Красных рабочих умов
Слышится светлое, новое пение,
Грохот разбитых оков!
Слышится счастье рожденья прекрасного
Мира труда и красот,
Взмах всевеликий орла ярко-красного,
Гордый, высокий полет...
Слышится бой молоточный трудящихся,
Бой пробужденных сердец,
Крики свобод пролетарских, родящихся,
Звон их венчальных колец.
Солнечный гений сбивается гранями,
Чтобы рассеять огни!
Всходы народные жаркими данями
Шлют нам грядущие дни,
Слышится многое в гимнах размеренных
Гения красных умов:
Вера воскресших из гроба изверенных—
Счастья прекрасный улов.

Бурав.

КОРОЛЬ КАПИТАЛ.

(Повесть).

(Продолжение).

IV.

Король очень нервничал... Он ожидал царицу Революцию. Министры устроили так, что царица Революции согласилась посетить короля Капитала. Рабы-трудящиеся долго колебались и не хотели отпустить свою царицу во дворец Капитала, но король заверил представителей трудящихся, что царице ничто не угрожает и—после переговоров—она возвратится в Россию. Трудящиеся согласились, отпустили царицу. Но, на всякий случай, взяли заложников: многих российских капиталистов.

Сегодня должны были состояться переговоры.

Король шагал по кабинету, и казалось, не знал—во сне ли все это происходит, или на яву.

В самом деле: он—король всего мира—вдруг унижается до того, что вступает в переговоры со своим вековым, непримиримым врагом! Капитал сознавал, что в этом сказывается его слабость, что трону его уже нанесен удар.

„Мой дом стоит на прочном фундаменте, думал я... Моему царству не будет конца, и вдруг?! Но чтоже делать? Надо переговорить, быть может удастся столковаться, удастся купить мир с Революцией, дабы избегнуть катастрофы. Да, да—катастрофы, она грядет, она уже у порога дворца моего“...

Такие мысли были в голове короля Капитала.

Порой королю Капиталу казалось, что все „его страхи“ преувеличены, что нет силы, которая поборет его, но стоило королю принять министра с докладом, посмотреть на лица придворных, послушать крики взбунтовавшихся рабов, как уверенность в твердости положения исчезала и король сам себе казался каким то маленьким зверьком, засаженным в огромную, но крепкую клетку.

Часы пробили двенадцать.

Король остановился посредине комнаты и затаил дыханье.

„Сейчас войдет **она**... Эта страшная царица Революция. Что скажет **она**? Каковы будут ее условия мира?" думал король.

Портьера отодвинулась и на пороге появился первый министр.

— Революция!—тихо доложил министр.

— Проси!—процедил сквозь зубы король Капитал и, задыхаясь от волнения, быстрыми шагами подошел к своему письменному столу чтобы сесть в кресло.

И сделал он это как то смешно и торопливо, точно провинившийся школьник перед приходом директора в класс.

Спустя несколько секунд в кабинет вошла Революция, которую рабы-трудящиеся называли „царицей".

Высокая и стройная, одетая в ярко-красную тунику, с большими голубыми глазами и пышной полураспущенной светлой косой,—стояла она перед королем Капиталом; не приниженная, заискивающая и подобострастная, как все те, доселе входившие в этот королевский кабинет, а гордая и величественная...

Она смотрела на короля и, казалось, глаза ее говорили: „Я пришла сюда, чтобы продиктовать тебе свою непреклонную волю. Я не рабыня, не равная даже тебе. Я—царица, которая вскоре займет твое кресло, которая уничтожит тебя"...

Король все это прочитал во взоре Революции, очень смутился, но постарался овладеть собою.

— Здравствуй, Революция...—проговорил он после паузы и, указывая на кресло, сказал:—Садись, поговорим.

— Говори, что хочешь. Я слушаю тебя. Мне некогда здесь долго быть, ибо меня ждут трудящиеся.

— Но все таки... нам нужно о многом поговорить—сказал король и снова указал на кресло.

— Нет, не о многом—ответила Революция. —Знай, господин Капитал, что я пришла сюда не потому, что я слаба, что я боюсь тебя и пытаюсь войти с тобою в сделку. О, нет! Силы мои огромны и если трачу время на разговор с тобой, то только потому, что не хочу лишних жертв, лишних потоков крови.

— То есть?—слегка улыбнувшись, спросил король.

— О, ты, Капитал, прекрасно понимаешь меня, но впрочем могу об'яснить тебе, если ты этого хочешь—с иронией ответила Революция.

— Я прошу!—с кислой гримасой на лице произнес король и начал закуривать сигару.

— Мы с тобою находимся в состоянии войны, господин Капитал!—начала Революция твердым тоном.—Я иду на тебя и на твоих капиталистов со своими братьями—трудящимися для того, чтобы свергнуть тебя и вас всех, чтобы уничтожить царство ваше. Гибель вас ждет, если вы будете сопротивляться, потоками своей крови вы зальете ту землю, которую раньше вы, капиталисты, заливали потоками крови трудящихся. Вы обречены на смерть, если вы не сложете вашего оружия, если не сдадитесь добровольно на милость победителей.

— Ого! И это последнее твое слово Революция? У тебя больше нет никаких для нас условий?—спросил король и пытливо посмотрел на красавицу—Революцию.

— Никаких!—ответила она и сделала движенье по направлению к двери.

— Постой!—задержал ее король —А если я предложу тебе максимум земных благ, которые даю я, ты и тогда не заключишь со мною мира?—спросил король и лицо его точно застыло от ужасного внутреннего волнения.

— Мои условия неизменны!—сухо сказала Революция и снова направилась к двери.

Король Капитал поднялся со своего места.

— Не уходи!..—прошептал он.—**Мы должны столковаться**. Я дам тебе весьма многое...

— Я хочу взять все!—перебила короля Революция.

— Но это невозможно, пойми ты!—почти вскрикнул король, а затем, тяжело дыша, добавил:

— Чем же я стану, если отдам тебе **все**?

— Трудящимся!—громко произнесла Революция и посмотрела прямо в глаза королю Капиталу.

В них прочла она ужас и ненависть к себе.

— Я—король Капитал—не могу стать рабом-трудящимся! Я не уступлю тебе своего королевского места!—прошептал король.

— Трудящиеся больше не рабы, а на твое место я не собираюсь. Твоим дворцом овладеют трудящиеся!—заявила Революция и подошла к двери. Остановившись в полоборота, она спросила:—Ну, ты согласен?

— Вздор! Я—король Капитал—никогда не стану трудящимся! Я залью землю потоками крови, но отстою дворец этот от бунтующей черни!—закричал король.

— Тебя ждет гибель, Капитал!—громко сказала Революция и скрылась за дверью.

Король хотел остановить ее, но ноги его подкосились и он опустился на диван. Он хотел закричать, но из открытого рта не вырвался ни единый звук. Так пролежал он несколько времени, а когда очнулся, часы пробили два.

— Задержать, уничтожить Революцию!—сказал король и нажал кнопку звонка.

Прибежали министры и король приказал им арестовать Революцию, не считаясь даже с заложниками.

Министры побежали исполнить приказание, но не смогли этого сделать: Революция точно исчезла, ее даже никто во дворце не видел.

V.

На тайном совещаньи король и министры выслушивали доклад российского капиталиста.

— Погибло все—говорил он.—Войско нам изменило, мы разбиты, деньги, фабрики, заводы, земли и все богатства—отняты у нас, а большинство российских капиталистов—теперь нищие, или мертвецы. Многие погибли в страшных мучениях.

— **Революция воцарилась в России!**—закончил свой доклад бывший крупный российский текстильщик.

Король и министры были поражены этой страшной вестью.

— Ну, а что в других странах? Как живут немецкие, французские, английские и другие капиталисты?—спросил король Капитал.

— В других странах спокойно, война продолжается, капиталисты у власти, но Революция обещает трудящимся свергнуть власть капиталистов во всех странах мира!—ответил бывший российский капиталист.

— Ну, это ей не удастся!—заметил первый министр и предложил королю вызвать на следующее совещанье первого немецкого капиталиста Михеля Круппа.

Предложенье это было принято.

Ровно через неделю Михель Крупп был принят королем Капиталом.

— Я хочу знать, любезный Михель,—начал король,—каково положение германских капиталистов? Не постигнет ли вас участь России?

Капиталист Крупп, высокий, крепкий старик, с бритым лицом, напоминающим маску древне-греческих актеров, заговорил своим стальным голосом.

— Ваше величество! Россия разгромлена, Революция уничтожила российских капиталистов, но это не пугает нас—немецких капиталистов. Мы вели войну с русским капиталом и не все ли равно Михелю Круппу отчего погибнет русский капиталист: от немецкой ли пушки, или от взбунтовавшихся русских рабов-трудящихся? Уничтожение российского капитала—наша цель и теперь эта цель нами достигнута. Революция помогла нам в делах российских и мы—немцы—довольны.

Король на минуту задумался. Как будто Михель Крупп был и прав, но что-то говорило в душе Капитала, что Крупп может ошибаться, что Революция об'явила войну всему капиталистическому миру и, начав с России, она окончит Германией, Австрией, Англией и другими странами.

О своих сомнениях Капитал поведал Михелю Круппу.

—Хм... Ваше величество!—начал Крупп с лукавой улыбкой...—Нами, немецкими капиталистами, этот вопрос разработан. Коварные замыслы Революции нам хорошо известны, но мы, победители, в достаточной степени забронированы от революционного яда. **Он страшен только побежденным.**

Король пытливо посмотрел, на Михеля Круппа. Этого старика он считал почти гениальным, верил ему в течение многих десятков лет и зачастую пользовался его советами. Уверенный тон Круппа успокоил короля Капитала. Он пригласил Михеля к обеду, а затем, после дружеской беседы, отпустил его из дворца.

Известный политический деятель-коммунист—Литвы и Белоруссии—тов. А. Ф. Мясников.
(К его переезду в Москву для партийной работы).

VI.

Прошло довольно много времени. Во дворце короля Капитала был большой день. Готовились к приему представителей капиталистов всех стран мира. Они должны были пожаловать со своими приближенными для совещанья громадной мировой важности.

Царица Революция (теперь ее называли „царицей" все и везде) с каждым днем распространяла свое влияние все больше и больше. Малые и большие государства, точно по команде, одно за другим свергали власть капиталистов и утверждали власть трудящихся.

Мировая война за капиталистические рынки окончилась, но война за господство трудящихся охватила почти весь мир.

Рушились троны царей, шаталась власть короля Капитала.

В ужасе метались капиталисты и их клевреты и не знали что предпринять, где искать спасения.

Сегодняшнее об'единенное заседание капиталистов всех наций должно было разрешить много наболевших—роковых—вопросов.

В большом тронном зале, который мог вместить более тридцати тысяч человек, сотни лакеев устанавливали кресла, зажигали люстры, светильники, канделябры самых причудливых форм и размеров, а в огромных—смежных—залах сотни других слуг устанавливали столы, дорогую посуду, разные яства и вина.

Во дворце знали, что заседание капиталистов окончится блестящим пиршеством.

Таков был закон во дворце короля Капитала и от этого закона никто не хотел отступить даже и в это тяжелое время.

В девять часов вечера под звуки могучего оркестра стали входить в тронный зал господа всемирные капиталисты.

Немцы, французы, итальянцы, англичане, американцы, индусы, турки, сарты, арабы, шведы, испанцы, поляки—словом все были здесь на лицо и трудно было даже определить сколько тысяч человек обоего пола, разных возрастов и всех племен и национальностей заняли места в роскошном зале.

Одежды были разных цветов, дорогие камни на шеях, головах и руках дам сверкали по залу.

Тут не было врагов, воюющих между собой из-за рынков, ибо все капиталисты помирились между собой перед лицом смертельной опасности.

В этом зале теперь сидели только друзья, связанные одной мыслью, преследующие одну и ту же цель.

Когда все кресла, ложи и бель'этажи были заняты, оркестр заиграл еще сильнее и из главного входа показались министры, свита, а затем и сам король Капитал со всеми своими женами и фаворитками.

Спустя несколько минут все стихло. Король начал свою тронную речь.

— Господа капиталисты всего мира! В трудный и опасный час я созвал вас в этот зал на совещанье. Всем вам известно, что распри ваши и споры из-за рынков окончились весьма печально. Революция свергает нашу власть во всех частях мира и устанавливает диктатуру бывших рабов наших—трудящихся. Гибнет весь наш могучий—казалось—строй, рушится культура наша, исчезают богатства наши. В то время, когда мы заседаем здесь, в этом тронном зале, на недалеких уже от нас полях происходят упорные сражения. Трудящиеся всего мира бьются с верными нам войсками, ряды коих редеют с каждым часом. Нужны героические усилия, нужны чрезвычайные меры, чтобы отстоять дворец этот, чтобы отстоять наши последние твердыни. Знайте, что

когда умрет наш последний солдат, приверженец всемирного капитализма, сюда ворвутся дикие орды трудящихся всех стран мира и тогда неизбежна гибель наша. Поэтому—теперь все меры хороши, ведущие к нашему спасению и к гибели Революции! Вырабатывайте эти меры здесь сообща и придумайте то, что спасет нас—капиталистов—и снова закабалит их—трудящихся. Я жду от вас не только умных речей, но и полезных дел.

Король кончил и после него заговорил первый американский купец, имя которого было—Вудро Вильсон.

— Король и господа капиталисты!—начал он стереотипным восклицанием.—Вы видите этот зал, стены коего расписаны лучшими художниками мира, который украшен изваяниями гениальнейших скульпторов, эти зеркала, люстры, кресла, ковры, гобелены и все то, что так приятно ласкает зренье наше, что создано в течение веков нашими капиталистическими учеными, художниками и техниками. Вы знаете этот дворец, в котором находятся ключи знания, богатства, искусства и всех утонченных удовольствий. Все это—под угрозой, все это будет разрушено дикарями—трудящимися, если мы не сумеем защититься. Господа ученые, священники, поэты, писатели, журналисты, мыслители—все, кто в течение многих веков был с нами, мы призываем вас к помощи, к нашему спасенью! Скажите с этой трибуны, какими обладаете вы средствами к уничтожению красной царицы Революции и мы испробуем все эти средства. Только в них—наше спасенье. Вне их—наша гибель.

Вудро Вильсон сошел с кафедры и его место занял старый патер в пурпуровой мантии. Сидящие позади приняли его за кардинала, но в средних рядах кто-то шепнул, что стоящий на кафедре—есть папа римский.

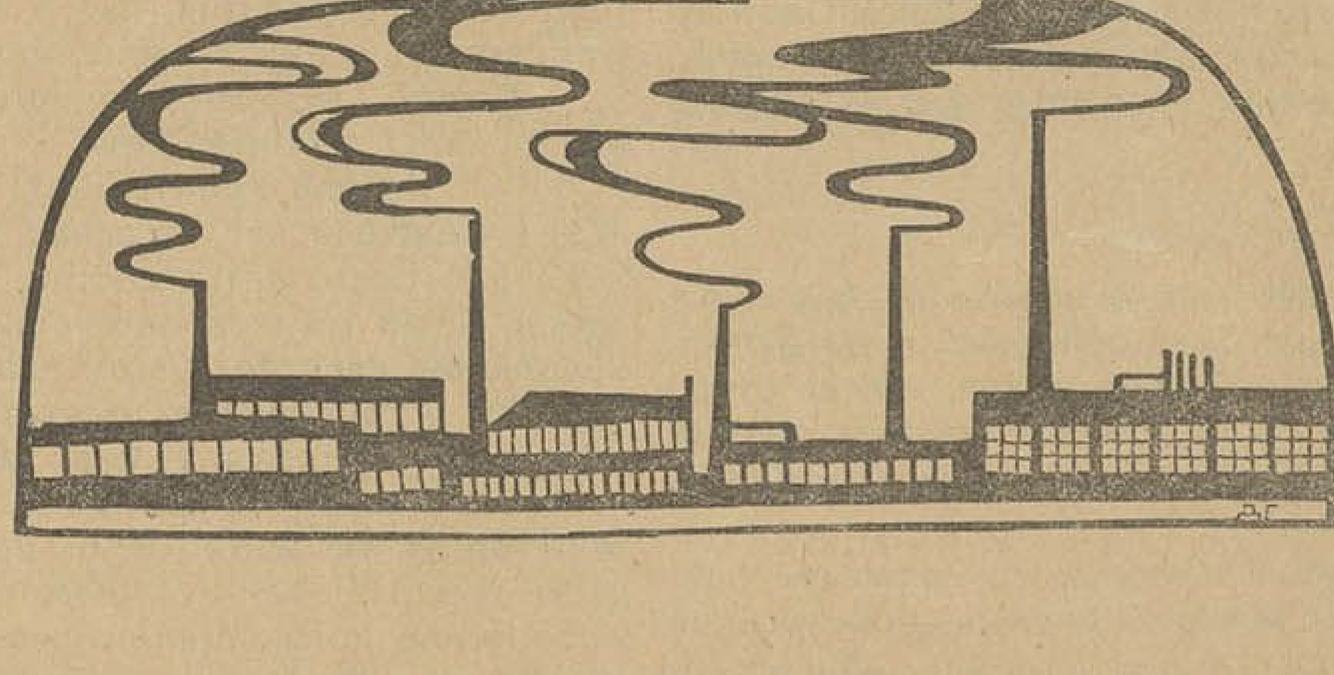
— Никто из вас не сможет сказать, господа капиталисты, что представители церкви моей плохо служили королю Капиталу. Разве не для него мы выдумали сказку о загробном мире, разве не для обузданья трудящихся, не для затемнения их мозгов мы строили церкви, монастыри, отыскивали святых и выдумали того бога, который будто бы карает за строптивость и непослушанье и милует покорных.? Небо, ад и чистилище—продукт нашей хитрой церковной науки. Эта наука в течение долгих веков служила нам капиталистам, оплотом против трудящихся, тонким оружием против царицы Революции. Казалось, что повязка, одетая церковью на глаза раба-трудящегося крепко пришита к его грубой коже, но вот пришла эта ужасная Революция, сорвала повязку и раб прозрел. Он, к несчастью нашему, увидел, что был обманут, что то, во что он верил и чему поклонялся—есть химера. Тайна наша перестала быть тайной, непосвященные узнали то, что должны знать одни лишь посвященные. Это—трагедия наша и много, много нужно работать, чтобы снова одеть повязку рабам, познавшим тайну нашу, выколоть им глаза и вытравить из мозгов их все то, что туда запало. Но, полагаю, что все это еще возможно сделать. Церковь наша не раз стояла на краю гибели, но все таки она победила, прошла все Сциллы и Харибды. Великий мудрец, выдумавший сказку о боге, сказал, что эта сказка бессмертна. Я думаю, что она-то еще послужит нам. Необходимо только всем служителям религиозных культов преследовать одну и ту же цель, отбросив бесполезную в данное время борьбу между собой. У всех нас—один враг: Революция, стоящая во главе трудящихся. Если мы, ксендзы, священники, раввины, муллы и проч. сумеем накинуть повязку на глаза трудящихся, (а сделать это нужно так тонко, чтобы они сами этого не заметили), то дело капиталистов не проиграно и мы сумеем еще побороться. Я призываю своих коллег к этой борьбе. Идите в царство трудящихся и превращайте церковные амвоны в политические кафедры! Пусть каждый из нас станет тонким политиком—иезуитом и победа—в конце концов—будет за нами!

У капиталистов не приняты были аплодисменты, но звуки одобрения раздались во многих местах зала.

После патера в пурпуровой мантии начал говорить лучший писатель из царства капиталистов.

(Окончание следует).

Альфа-Бэта.

За солью.

(Рассказ командира дивизии).

— Наша неряшливость... Ох, много она горя принесла нам самим. Все налицо: и храбрость, и вооружение, и снаряжение. И за последнее время даже командный состав подтянулся. Но привычка полагаться на авось все еще жива во многих частях.

Вот, что однажды, совсем недавно случилось на моем участке фронта.

Красный полк стоял в лесу, близ станции Д... около двух недель. Противник находился по другую сторону станции, верстах в семи от нее. И стоял он буквально, как вкопанный: ни разведки, ни маневров, никаких передвижений у него не было заметно. Даже обозов к нему не подходило. Мы уже начали думать, что во вражеском лагере прошла чума и он весь вымер. Мало помалу слабела у нас бдительность на сторожевых постах.

Видя мертвую неподвижность белогвардейцев, наши «секреты» стали относиться к его лагерю, как к пустому месту. Среди наших красных солдат даже пошли разговоры, что неприятель незаметно ушел с позиции. И, приходя в прикрытия, секретчики нередко заваливались спать.

И вот, однажды, случилось то, что должно было случиться.

Видя, что наша бдительность достаточно усыплена, белогвардейцы в одну темную, непогожую ночь бросились рассыпным строем на наше расположение.

Плохо пришлось бы нам, если бы не счастливая случайность: в эту ночь был дан приказ сменить N.. полк другим. И в то время, как неприятельские цепи двигались на нас, к нам с тыла подходили эшелоны Б... полка.

Слишком поздняя тревога. Глухая, жуткая схватка в передовых окопах и землянках, крики и стоны приканчиваемых солдат, которые были разбужены за минуту до смерти...

И вдруг сзади раздается тысячеголосовое „ура!“ Это Б... полк бросился в контр-атаку, поняв, какая драма разыгрывается в нашем расположении.

Не ожидавший этого мощного отпора неприятель стал отступать, забирая пленных и запасы. Темнота ночи и полная неизвестность относительно сил неприятеля вынуждали нас к осторожности и, отбив внезапное нападение его, мы не решились преследовать его. Воспользовавшись этим, белогвардейцы закрепились на станции, заняв все постройки и находившийся на линии подвижной состав.

Велико было мое горе, когда я узнал об этом и когда мне было донесено, что к противнику подошло подкрепление. Выбить его со станции стало довольно трудным делом. А между тем на станции было двадцать тысяч пудов соли, только что прибывшей целым поездом. Вся окрестность вместе с городом В... в течение последних месяцев страдала из за недостатка соли. Многие жители уже больше месяца совсем не видали соли и ужасно страдали от этого. И вот, только что она пришла, как мы сами отдали ее из рук в руки неприятелю.

Когда я сообщил об этом на собрании полковых и ротных представителей, поднялась буря негодования, а когда во всех частях узнали об этом и красноармейцы, их гневу не было конца.

— Чтоб им никогда не родиться,—бранились они по адресу своих зевак-товарищей, даже тех, которые погибли от руки неприятеля, пав жертвой собственного разгильдяйства.

Как бы то ни было, а приходилось воевать за соль.

Это было общее убеждение, настолько твердое, что когда я хотел было раз'яснить значение понесенной потери на собрании уполномоченных дивизии, мне даже не дали говорить:

— Знаем! Понимаем!—в один голос закричали все.

— Ведите нас, товарищ. Это была наша вина, и за нее мы сами ответим!

Сказано—сделано. Стали готовиться к штурму. А разведчики то и дело доносят, что неприятель укрепляется на станции все больше и больше, что к нему беспрерывно подходят подкрепления. Воздушная разведка донесла, что станция превращена в крепость.

Нужна, следовательно, была артиллерия, а ее на моем участке было как раз „кот наплакал“, потому что участок считался неукрепленным. У меня были только полевые трехдюймовки, да и тех всего три штуки.

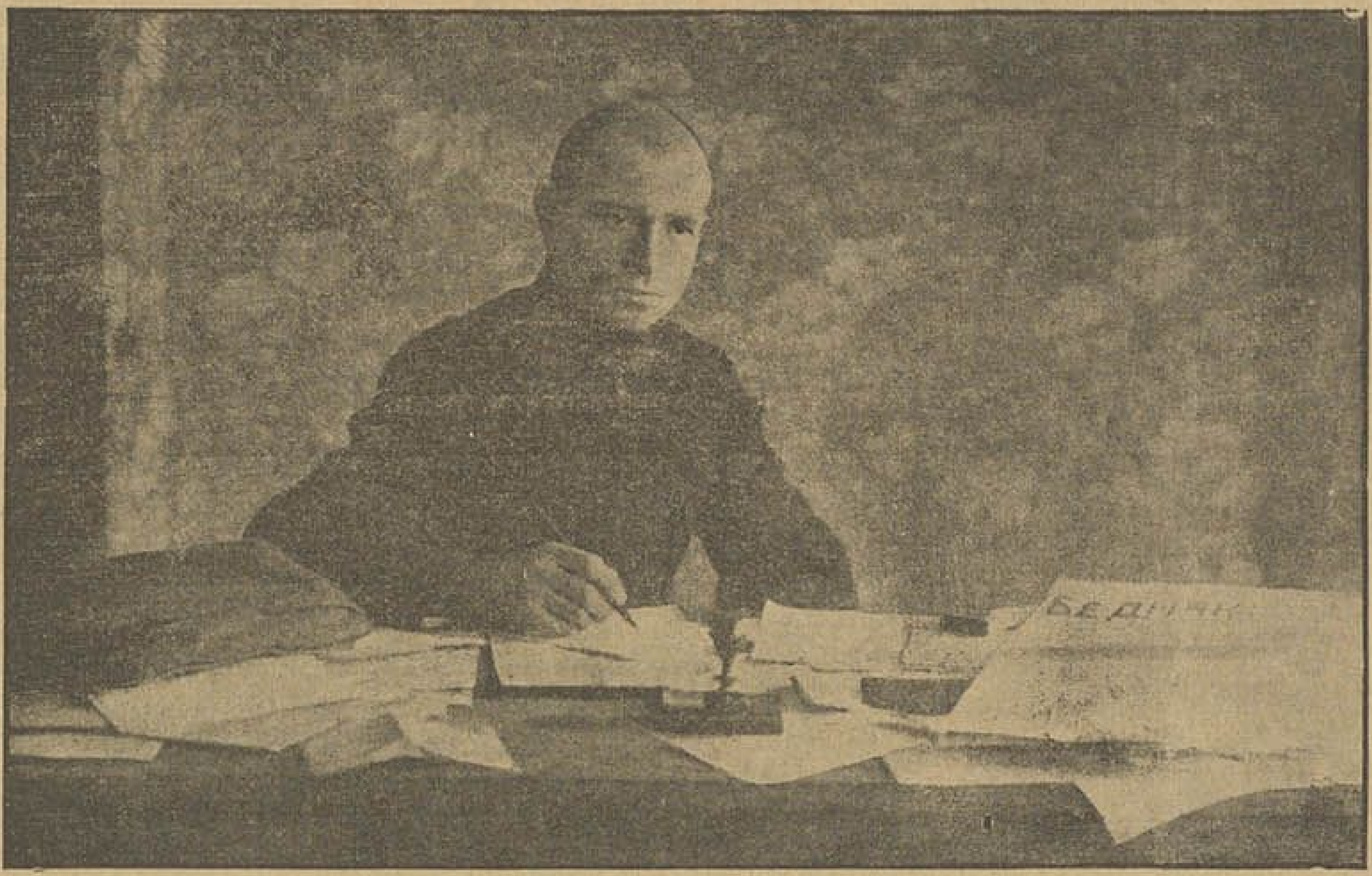
— Надо затребовать пушек,— говорил я полковым комиссарам.

— А белогвардейцы тем временем вывезут соль,—отвечали те.—Нет уж,—брать, так брать сейчас.

Пришлось согласиться на немедленный штурм, тем более, что на этом настаивали и солдаты, буквально выходившие из себя, негодуя на собственную оплошность.

Рано утром на другой день части уже строились к бою. В рядах красноармейцев белело много свежих повязок: это пришли после перевязки раненые, ни за что не хотевшие отказаться от реванша за поражение вчерашней ночи. На перевязочном пункте остались только тяжело раненые.

Только начало светать, как три наших пушки открыли огонь по земляным укреплениям неприятеля. И почти в тот же момент, не дожидаясь общего сигнала к атаке, передние цепи красных солдат бросились из леса к станции. За ними хлынула и остальная масса всех трех полков, охватывая веером, с трех сторон, территорию станции.

Редактор газеты „Бедняк" тов. М. Вигилянский (М. Сторожевский).

Над станционными постройками взвились наши два боевых аэроплана, запасшиеся бомбами.

Я шел впереди цепей, зная насколько важен в таких штурмах личный пример. Впрочем, на этот раз воодушевлять красных солдат, горевших жаждою отомщения, не приходилось.

Навстречу нашей живой волне затрещали пулеметы. Несколько человек из передовой цепи упало. Но цепь не дрогнула. Сзади напирали живые волны людей.

Еще залп из пулеметов и винтовок. Как бы в ответ на это в тылу засевших за укреплениями белогвардейцев раздались несколько взрывов: это работали наши летчики.

Мы еще не успели добежать до брустверов, сооруженных... из соли (это потом оказалось), как взлетела на воздух и запылала часть пакгауза, с крыши которого особенно яростно обстреливались наши наступавшие шеренги. Один за другим загорались вагоны, поджигаемые нашими снарядами.

Противник под натиском наших частей дрогнул и стал медленно подаваться назад, за станционные постройки. Вот, белогвардейцы, выбегая на подобие крыс из горящего подвала, припадают к противоположной стороне железнодорожной насыпи, отстреливаясь беглым, беспорядочным огнем.

Поровнявшись со зданием вокзала я вдруг почувствовал резкую боль в ноге, такую острую, невыносимую, что даже подпрыгнул, а в следующий момент уже сидел на земле, видя, как мимо меня несется лавина наших людей. Кто то остановился возле меня, наклонился и стал осматривать. Я потерял сознание.

. . . .

Был вечер, когда я пришел в себя от той же сильной боли в колене, которое было уже затянуто в лубке.

— Спокойно, спокойно!—проговорил склоняясь ко мне доктор С. — Не пугайтесь: ничего особенного. Это всего только ушиб. Вас ударило осколком доски в колено. Никаких повреждений нет, денька через три будете прыгать.

— А что с дивизией? Как станция?

— Поздравляю. Взяли не только станцию, а и лагерь белогвардейцев, выгнали их с насиженного гнезда.

— Точно так, товарищ,—светло улыбаясь, подтвердил эти слова только что вошедший комиссар Б... полка. Мы преследуем отступающего неприятеля. Дым коромыслом.

От радости я даже забыл про свою боль и хотел вскочить, чтобы обнять товарища, принесшего такие хорошие вести. Но тут же почувствовал как бы повторение удара в ногу и упал на подушки.

— Осторожнее!—дым коромыслом, — вскричал комиссар, бросаясь ко мне, как нянька к споткнувшемуся ребенку.

Обливаясь потом от боли, я все же с наслаждением слушал рассказ товарища-комиссара о том, как наши молодцы буквально вымели белогвардейцев со станции.

— Я думаю, надо выдать им фунта по два соли,--дым коромыслом,—закончил он свой рассказ.

Я рассмеялся и махнул рукой.

— Давайте, если только возьмут...

Арион.

Преступление товарища Зорина.

РАССКАЗ.

I.

Всю ночь доносилась ожесточенная стрельба... Ружейные выстрелы смешивались с таканием пулеметов, слышны были разрывы ручных гранат, изредка бухала пушка.

Антонина Ивановна ни на минуту не могла уснуть. Она вся дрожала, как в лихорадке.

„Боже мой! Боже мой!“ шептала она и вытирала платком слезы.

Изредка она обращалась к своему мужу с вопросом:

— Коля, ты слышишь?

— Слышу конечно...—отвечал Николай Васильевич Зорин и начинал ворочаться с боку на бок.

Почти после каждого орудийного выстрела она спрашивала мужа.

— Это что? Пушка?

— Пушка...—угрюмо отвечал он и старался как можно глубже зарыться в подушки.

Но уснуть все-таки не мог.

„Там кровь льется, люди гибнут, а я здесь в теплой кровати валяюсь“... шептало что-то внутри Николая Васильевича.

И он старался сделать так, чтобы ничего не слышать, ни о чем не думать и ничего не соображать.

Это ему плохо удавалось.

К тому же и Антонина Ивановна стала заговаривать с ним все чаще и чаще.

— Коля! Коля!..

Николай Васильевич сердито ответил:

— Да что тебе, Тоничка? Спи ты!

Тоничка замолчала.

Через минуту Николаю Васильевичу стало жаль ее и он спросил:

— Что ты хотела сказать мне, детка?

— Ничего...—полушопотом ответила Антонина Ивановна.

— Не сердись, родная! Ведь мы оба нервничаем...—заметил Зорин и, вскочив, сел на кровати.

— Как будто тише?—после паузы спросила Антонина Ивановна.

— Да...

— Иди-ка, послушай...

— Да я и так слышу,—ответил было Зорин, но затем встал, накинул пальто и вышел из комнаты.

На дворе было довольно сыро. Ветер шевелил опавшую листву.

Зорин слушал.

„На фронтах“, действительно, царило затишье.

—Слава богам!..—проговорил вслух Зорин, и хотел было итти в дом, но в это время затрещал пулемет.

Немедленно к нему присоединился второй, третий...

Разом бухнули две пушки, а затем началась сильная ружейная канонада.

„Вот тебе и затишье“!?—процедил сквозь зубы Зорин и вошел в дом.

— Все у Первушина моста дерутся, да на вокзале...—сказал он, ложась в кровать.

Антонина Ивановна всхлипывала.

— Не плачь, деточка,—ласково сказал ей муж и с головой ушел под одеяло.

Ровно в пять часов утра после одного артиллерийского залпа Антонина Ивановна вскочила точно ужаленная.

— Коля! Не могу больше! Вставай, Коля!

Николай Васильевич встал.

— Надо итти...—сухо сказал он.

— Да, ты старый революционер, ты должен итти... Надо помочь им! Они, бедные, устали!—проговорила Антонина Ивановна и, быстро одеваясь, переходила с одного места на другое.

— Чего ты мечешься? Ведь пойду я, а не ты...—заметил Зорин и тоже начал быстро одеваться.

Минут через пять он уже был готов.

— Дай мне стакан молока...—попросил он жену.

Она немедленно исполнила его просьбу и принесла еще два бутерброда с сыром.

В это время в дверь кто-то постучал.

Узнав, кто там,—Антонина Ивановна открыла дверь.

Вошли соседи—слесарь и газетный наборщик. В руках у них были винтовки. Наборщик сказал, что они—двое—решили итти „на фронт“ и зашли за Зориным.

Последний с‘ел бутерброд, выпил молоко и простился с женой.

Все вышли.

Уходящих провожали до ворот их жены. „Наборщица“ плакала и просила своего мужа не ходить, „слесарша“ умоляла своего Петю быть поосторожнее, а Антонина Ивановна поцеловала Николая Васильевича и ничего ему не сказала.

Когда мужчины ушли, женщины чуть чуть поплакали, немного поговорили и разошлись по своим квартирам, решив к чаю собраться вместе у жены газетного наборщика.

II.

У Куйлюкской аптеки помещался штаб действующих восставших войск.

Молодой прапорщик давал боевые задачи начальникам отрядов.

Здесь же формировались боевые дружины.

— Вы, товарищ,—обратился прапорщик к Зорину, примите команду над этим отрядом и займите, так называемый, „хлебный двор“. Знаете, где он?

— Да, знаю...

— Отлично. Правее вас,—продолжал прапорщик,—расположен отряд матросов. Он прикрывает наш правый фланг. Установите связь с этим отрядом... Ваша задача: задерживать наступающего противника—юнкеров и казаков—путем обстрела Парадизовской, Ивановской и Пушкинской улиц. Если надо будет—пришлю пулемет. Возьмите вон там 2—3 гранаты, пригодятся... На „хлебном дворе“, в помещении какого-то склада, есть телефон. Звоните сюда в аптеку.

Сказав все это, прапорщик об‘явил отряду, что начальником его является товарищ Зорин, и сделал распоряжение о выдаче ему гранат.

Получив их, Зорин повел отряд.

Свернув в ближайший переулок, Николай Васильевич увидел, что соседи его,—слесарь и наборщик—быстро шагали по тротуару в сторону противоположную от военных действий.

Николай Васильевич окликнул уходящих.

Слесарь оглянулся и что-то пролепетал, а наборщик громко крикнул:

— Мы сейчас... Мы после...

При этом оба ускорили свои шаги.

— Удирают!..—с улыбкой заметил кто то в отряде.

— Трусы!—прошептал Зорин и приказал своему отряду ускорить шаг.

Николай Васильевич шел с боку и наблюдал за вверенными ему людьми, вернее по их наружному виду знакомился с ними.

Человек пять в отряде—были рабочие, столько же было солдат, 3 каких то штатских, 1 семинарист, 1 матрос и остальные—какие то безусые мальчики, с красными повязками на руках.

„С такой публикой больших дел не сделаешь", подумал Зорин, когда-то служивший в войсках подпрапорщиком.

Минут через пять дружинники остановились.

Вдали был виден „хлебный двор", но чтобы занять его, надо было пройти по Парадизовской улице, которая обстреливалась противником.

Зорин приказал двум рабочим быстро перебежать улицу и постараться открыть ворота „хлебного двора".

— Если открывать не будут—пригрозите револьвером... У сторожа должны быть ключи...—сказал Зорин одному рабочему.

— Товарищ начальник! Разрешите и мне пойти туда. Я там все входы и выходы знаю,—обратился к Зорину матрос, стоящий в строю.

Зорин посмотрел на матроса и слегка смутился.

— Аа... это вы...—сказал Николай Васильевич и прикоснулся рукой к козырьку фуражки.

— Ступайте.

Матрос—его звали Владислав Михайлович Гашинский—убежал к воротам „хлебного двора".

„И он здесь? Хм... Оригинальная встреча"— подумал Зорин.

Он почувствовал, что весь покраснел от внезапно прилившей к голове крови.

— Ворота открыты...—раздался чей то голос.

Лично убедившись в этом, Зорин приказал перебежать всем—по одиночке—улицу и вбежать во двор, который был обнесен кирпичным забором.

Первым побежал рабочий. За ним последовали другие.

Где-то заработал „белогвардейский" пулемет, раздалось несколько ружейных выстрелов.

— Реже! Реже! По одиночке! Быстрее бежать!—кричал Зорин.

Он перебежал последним.

А у меня, товарищ, фуражка прострелена!— с гордостью и волнением доложил Зорину какой-то юноша.

— Ну, чтож... Храните ее на память! Вы счастливы,—ответил Зорин, осмотрел двор и начал размещать отряд.

Двух солдат он поставил часовыми у запертых ворот, одного рабочего отослал для связи с матросами, взял себе семинариста для поручений, а всех остальных рассыпал по всему двору, приказав им занять все вышки, крыши, заборы и т. п.

— Будьте осторожны, не высовывайтесь из за прикрытий, но хорошенько наблюдайте за впереди лежащей местностью! Стреляйте, как по цепям, так и по одиночному противнику...—об'яснил всем Зорин и пошел вместе с большевиком—семинаристом отыскивать удобный для наблюдения пункт.

Минут через десять Зорин решил поместиться на чердаке одного каменного дома, который стоял на горке и был самым высоким зданием „хлебного двора".

Проникнув на этот чердак, Зорин лег у слухового окна. Семинарист поместился у другого.

— Отсюда все прекрасно видно... Вот если бы только подзорная труба?!—сказал он после паузы.

— У меня бинокль есть,—ответил Николай Васильевич и вынул его из кармана своей шинели.

— Это полевой, или театральный?—поинтересовался семинарист.

— Полевой...—ответил Зорин и начал осматривать местность.

„Это он... Да это он... Вот снял фуражку, поправил свой подсумок... Целится в кого-то, стреляет... Раз, другой. Да, это Гашинский"... подумал Зорин, глядя на матроса, который лежал на крыше находящегося впереди сарая.

— Эх, пальба то началась!—прошептал семинарист.—Должно быть юнкера наступают...

Зорин ничего не ответил, но спросил семинариста:

— Кто это лежит вон на той крыше? Матрос?

— Да... Он самый... А разве вам в бинокль-то не выдать?—удивился семинарист.

Зорин хотел что то ответить, но в это время пуля разбила соседнее слуховое окно.

— Ого?!—закричал семинарист и затем, добродушно добавил:—Должно быть, и до нас доберутся.

— Дайте винтовку!—сказал Зорин, быстро взял у семинариста винтовку, прицелился и выстрелил.

Затем посмотрел в бинокль.

Он увидал, что на мостовой корчится какой то мужчина. Около него лежит винтовка.

— Одним меньше...—прошептал Зорин.

— Попали?—спросил его бурсак.

— Да... Возьмите обратно винтовку... Следите за противником... Если он будет наступать по Парадизовской улице—стреляйте...

— Хорошо...

Семинарист все свое внимание сосредоточил на Парадизовской улице. Минут через пять он открыл стрельбу.

Выпуская пулю за пулей, он уверял Зорина, что видит наступающего противника.

Зорин посмотрел в бинокль и убедился, что на улице никого нет. Он приказал семинаристу прекратить бесцельную трату патронов и ожидать его распоряжений.

Семинарист безропотно повиновался.

III.

После ухода Николая Васильевича, Антонине Ивановне вдруг стало ужасно страшно.

— Что я наделала? Почему я послала его? Почему не отговорила? Ведь он то вовсе и не обязан участвовать в боях! Вдруг его убьют?!—с ужасом думала Антонина Ивановна и горько плакала.

А в это время стрельба все усиливалась и усиливалась.

За чаем у жены газетного наборщика, Антонине Ивановне стало несколько легче, но когда неожиданно вернулись слесарь и наборщик, и заявили, что „на фронт“ пустили только одного Николая Васильевича, а им сказали итти домой, Антонина Ивановна заволновалась еще более.

Она ушла к себе, забилась в уголок, накрыла голову оренбургским платком и начала плакать.

Во время своего одиночества и размышления она неожиданно для самой себя вдруг подумала **о нем**, о третьем, который год тому назад временно вошел в ее душу, заставил пережить ее большую драму.

„Гашинский, вероятно тоже там.. Ведь он недавно приехал сюда с матросами“... подумала Антонина Ивановна.

И почему-то она живо представила себе такую картину: на грязной мостовой валяются тяжело раненые—Коля и тот... Владислав Гашинский... Оба истекают кровью.

В Минской военно-инструкторской школе (Март 1919 г.)

И почувствовала Антонина Ивановна, что дорог ей только он, ее муж, славный, родной и дорогой Коля. А тот? Того жалко, как и всякого раненого, ни больше, ни меньше. Он ей **чужой**. Но почему чужой? Ведь он был ей так близок. Она, кажется, любила его... Ведь она принадлежала ему!

Теперь же он все таки чужой!...

Антонина Ивановна чувствовала, что не ошибается в этом, что тот мимолетный шквал прошел и не возвратится вновь.

Она снова начала думать о своем Николае. Только он занимал ее мысли.

IV.

Механик Зорин, казалось, совершенно забыл о бое, о противнике, о грозящей ему и всем им опасности.

Он смотрел на лежащего—впереди—на крыше матроса и все время думал о нем.

„Вот он—покоритель сердца, души и тела моей Антонины. Он—красивый, в форме лесного кондуктора был еше красивее. Изящный такой, чуть чуть женственный... Пришел, увидел, победил. Все так быстро: в декабре познакомились, а в марте уже она ему отдалась“...

И с ужасом в тысячу первый раз представил себе Зорин, уже ставшую хорошо знакомой, картину:

Вечер... **Они—вместе**—возвращаются с гулянья.

Антонина открывает своим ключем дверь. Входят... Идут в спальню... Там он раздевает ее... Затем...

— Товарищ начальник! Они наступают! Целой толпой прут! Разрешите открыть огонь—заговорил вдруг семинарист.

— Стреляйте, коли прут!—почти со злобой ответил Зорин.

Семинарист выстрелил. На дворе тоже начали часто стрелять.

.... „Вот этой же рукой, которой он сейчас нажмет спуск курка, он ласкал **мою Таню**. Он раздевал ее. Ему одному, кроме меня, известны все тайны ее прекрасного тела, ибо целых два месяца он жил с ней!... Два месяца он безнаказанно обкрадывал меня в то время, когда я был далеко отсюда, в этой проклятой „командировке“...

—Товарищ начальник!—они совсем близко! Наша стрельба, повидимому, им вреда не причиняет... — доложил семинарист Зорину.

— Что? Близко? А, да... Вот что.. Возьмите две гранаты и снесите их вниз Одну—отдайте вон тому солдату, а другую-вот этому. Видите?

— Это, который на дереве сидит?

— Да, да... Слушаю... Отдам...

— Берите... Несите осторожно. Скажите, что я приказал в критический момент бросить на улицу. Дайте вашу винтовку и патроны... Ступайте!

Семинарист отдал винтовку и десятка два патронов, осторожно взял гранаты и пошел исполнить поручение начальника отряда.

Зорин не чувствовал опасности, не видел наступающего противника, а лишь смотрел на Гашинского и думал.

...„Он лежит теперь там и, быть может, думает о моей Антонине, быть может смеется в душе надомной. Ведь он не знает, что мне все известно, что пожимая ему руку я сознаю, что здороваюсь с бывшим любовником моей жены“...

Пуля ударила в слуховое окно, у которого лежал Зорин и пронеслась над его головой.

Зорин отмахнулся от пули, точно от назойливой мухи, и снова продолжал думать.

...„Ему ведь не понятна моя сильная любовь. Как и многие другие, он не поймет, конечно, того, что, благодаря сильной воле, я смог простить ее. Он верно считает меня жалким, обманутым мужем—рогоносцем“...

Снова ударила пуля в окно и засыпала Зорина осколками стекла и пыли.

...„Вот если бы такая пуля сразила его, лежащего там на крыше“... пронеслось в голове у механика „тогда бы не было свидетеля моего позора, умер бы он, познавший тайны ее тела, кроме меня“...

На „хлебном дворе“ стрельба стала весьма ожесточенной. Противник наступал отовсюду в большом количестве.

Положение отряда Зорина становилось критическим.

На улице раздался гранатный взрыв.

Зорин видел, как семинарист перебежал направо, чтобы передать по назначению вторую гранату.

он схватил себя за голову. Винтовка покатилась с крыши.

„Он мучается. Надо добить его“ подумал Зорин и снова выстрелил.

Тело Гашинского два раза перевернулось и, затем, вытянувшись, застыло в одной позе.

— Умер... прошептал Зорин и начал стрелять в густые цепи юнкеров.

Внизу раздался второй взрыв.

Видно было, как толпа нападавших отхлынула—по улице—в сторону.

— Товарищи! Наше положение уже трагическое! Они так и наседают, так и наседают—раздался на чердаке голос запыхавшегося семинариста.

Точно не слыша этого доклада, Зорин продолжал выпускать пулю за пулей.

— Товарищ! Наши ребята порядком струхнули... Просят вас сойти вниз,—продолжал семинарист.

Состав редакции газеты „Звезда“ в Марте 1919 г. (Минск).

„Убить его!“ вдруг мелькнуло в голове Зорина.

„Да, да! Застрели его!“ что-то зашептало в душе старого революционера и он судорожно сжал винтовку в руках.

Зорин увидел, что Гашинский привстал и хотел передвинуться направо, чтобы спуститься затем вниз...

„Надо убить его сейчас же, иначе через минуту будет поздно! Более такого случая не представится... Пусть своею кровью заплатит он за те удовольствия любви“!...

Зорин—бледный и задыхающийся—быстро вложил обойму в винтовку, прицелился и выстрелил.

Гашинский упал...

Тело его начало корчиться. Обоими руками

Зорин очнулся только после того, как выпустил последнюю, имеющуюся у него пулю.

Семинарист с отчаянием в голосе повторил ему свой доклад.

— Ладно... Идем вниз...—почти весело ответил Зорин, передал семинаристу его винтовку и, захватив лежащую гранату, посвистывая какой-то марш, спустился вниз.

К нему подбежал солдат с окровавленным лицом.

— Товарищ, я ранен, а моего приятеля убили,—доложил он прерывающимся голосом.

— Ступайте к воротам!—приказал Зорин семинаристу.

— У меня патронов нет,—возразил последний.

— Идем, я вам дам патронов,—сказал раненый солдат и оба они пошли к воротам.

Зорин побежал на склад и соединился по телефону с Куйлюкской аптекой.

Оттуда ему сказали, что все главные силы красных отошли на линию Владимирского сквера и что про отряд Зорина, повидимому, забыли. Посланная Зориным разведка донесла, что матросы очистили правый фланг, а товарищ для связи „пропал без вести"...

До вечера отряд Зорина мужественно отбивался, когда же стемнело, Зорин приказал всем сгруппироваться около ворот, открыл их, швырнул на улицу гранату и, скомандовав,—по одному за мной—выбежал со двора.

Дружинники последовали за Зориным.

Когда были на линии сквера, Зорин сосчитал чинов своего отряда.

Вместо сорока, их оказалось 23, при чем двое из них были ранены.

V.

Спустя дней десять, Зорин сидел с Антониной Ивановной у своего родственника и пил чай.

В комнату вошла только что приехавшая подруга Зориной, жена телеграфиста—Анна Петровна Архипова.

— Здравствуйте, дорогие! Я так рада вас видеть... Столько слез пролила из за вас! Милые вы мои...—сказала Анна Петровна, целуясь с Антониной Ивановной.

— Столько людей погибло?! Подумать страшно!—продолжала Архипова.—В одну только братскую могилу опустили 126 гробов, да так на разных кладбищах похоронили человек 200. А сколько раненых? Ужас!.. Бедный Гашинский, я видела его труп; одна пуля пронзила ему шею, другая попала в бок. Сестра и брат о нем так убиваются, а мать говорят, близка к умопомешательству.

— А где его убили?—тихо спросила Антонина Ивановна.

— На „хлебном дворе"... Труп нашли на какой то крыше.

— Аа...

. . . .

. . . .

Вечером, ложась спать, Антонина Ивановна спросила мужа:

— Коля, разве Гащинский был в твоем отряде?

— Да...

— И ты видел его смерть?

— Видел... А тебе что?

— Ничего... Я так.

После полуночи Зорин уснул.

Он видел страшный сон.

Чудилось ему, что он в восьмой раз стреляет в Гашинского, а тот все корчится от боли и все стонет. Кровь его залила всю крышу и забрызгала даже лицо Зорина. В девятый раз он выстрелил и попал Гашинскому прямо в голову. Новый фонтан крови залил почти весь „хлебный двор".

Когда Николай Васильевич проснулся, он увидел, что над ним сидит Антонина Ивановна.

Она вся дрожала.

„Неужели я бредил?" с ужасом подумал Зорин.

— Скажи мне правду, Николай,—это ты убил Гашинского?—спросила Антонина Ивановна и затаила дыхание.

— Я...—неожиданно сорвалось с уст Зорина.

— С чердака? Несколькимм пулями?—снова задала вопрос Антонина Ивановна.

Зорин ничего не ответил.

Он слышал, как бьется его собственное сердце, как тикают стенные часы и как храпит в корридоре большая собака...

. . . .

. . . .

Ровно через две недели Николай Васильевич Зорин, одетый в поношенный штатский костюм, опираясь на палку, шел по Арбату в Москве.

Выйдя на площадь, он на минуту остановился, затем решив посидет на Никитском бульваре, повернул налево.

Врачи нашли у него сильную неврастению и приказали возможно больше гулять, но делать это было трудно: он еле передвигал ноги.

Садясь на скамейку, на Никитском бульваре Зорин купил газету.

Он прочел, что в его родном городе весьма тревожно: ждут выступления контр-революционеров.

Зорин почему-то прочел эти строки несколько раз.

С ресниц его скатились две маленькие слезинки.

Он думал об Антонине Ивановне и мысленно желал ей всякого благополучия и счастья...

А. Б.

Проказа графа Огинского.

РАССКАЗ.

Васька, по прозвищу „Барин", голодный и злой уже два дня блуждал по улицам, останавливаясь перед прохожими и протягивая руку...— „Подайте вышедшему из больницы".—Но дело шло плохо... Прохожие сторонились от его мрачной фигуры в лохмотьях, и махали рукой или, не обращая внимания, шли своей дорогой, погруженные в свои мысли...

У под'езда особняка с закрытыми ставнями, из щелей которых шел яркий электрический свет он остановился и задумался. Он знал этот особняк. В этом особняке, миллионера графа Огинского, он когда-то часто бывал. Он вспомнил и молодого графа—высокого, красивого, неустрашимого спортсмэна, прославившегося на всю Варшаву своей эксцентричностью... Давно это было... Потом жизнь закружила его, посыпались удары судьбы, неудачный роман с пани Еленой, полное разорение' пьянство, фальшивые векселя, тюрьма, бродяжничество из города в город, опять тюрьма, болезни и голод, постоянный хронический голод, доводящий его до прошения милостыни, ночевки в ночлежках... Та среда, в которой жил он сейчас,—общество нищих, воров и бывших людей,—окончательно затопила его, давно уничтожила в нем человека, парализовала характер и бросила ему, как-бы в память о прошлом, эту насмешливую кличку „Васька-Барин".

К под'езду то и дело подкатывали экипажи, автомобили... Дородный старый швейцар распахивал двери и гости быстро исчезали в массивных, дубовых дверях передней... У графа сегодня был большой вечер...

Васька соображал. Голод подмывал его на преступление... В передней на широкой лавке, в двух шагах от дверей, он видел целую гору шуб и манто. Швейцар раздевал и провожал каждого гостя до дверей в комнаты... Улучшить момент, когда он будет стоять спиной и взять шубу сверху—может быть делом нескольких секунд... Затем он мигом исчезнет и через полчаса у него будет и ужин, и ночлег, и бутылка хорошего спирта. Васька притаился и стал следить... Под'езжали новые экипажи.

* * *

В роскошной столовой графа Огинского все было готово к приему гостей. Огромные люстры из литой старой бронзы проливали целый поток света на белоснежную скатерть, зажигая бесчисленные огни в гранях дорогого хрусталя. Слуги торопились, устанавливая тяжелое дедовское серебро и украшая стол живыми цветами...

Гости начинали с'езжаться...

Граф был у себя в кабинете... Он курил душистую сигару и улыбался... Перед ним в кресле, прихлебывая коньяк, сидел пан Запольский и, уставившись рыбьими бесцветными глазами, говорил:

— Напрасно смеетесь, граф! Большевики...это... это ужас! Если они сюда придут... Они отберут у вас все: ваш особняк, обстановку, даже снимут ваш фрак... Они называют это—„реквизировать"... Они лишат вас денег, фабрик и выкинут вас на улицу...

— Какой ужас!—щуря свои прекрасные глаза, прошептала молодая пани Ядвига, покачивая хорошенькой головкой...

Граф продолжал улыбаться. Он встал, потянулся, притушил сигару и сказал ровным и спокойным голосом:

— Пустяки! – во первых они сюда не придут, так-как наши славные войска разобьют их при первой-же попытке сделать это... Во вторых... во вторых...

— Что-же во вторых?—насторожился пан Запольский.

— Во вторых вы трусы... Поверьте, я всегда сумею выехать во время, да если придут большевики сюда, им не поздоровится... Одни мои гайдуки уложат целую роту проклятых кацапов... А дух польского народа? А наша польская кровь?.. Меня поражает ваш страх! Нет, природный шляхтич не боялся, не боится и не будет бояться безумных москалей!...

Лакей, появившись у двери, пригласил к столу... И граф, смеясь и играя глазами, предложил руку пани Ядвиге...

* * *

В столовой шел разговор о большевиках...

Пожилой, грузный полковник чертил фруктовым ножом на скатерти линию фронта, рассказы-

вая о расположении польских и советских войск, и об'яснял гостям стратегические приемы. Гости прихлебывая коньяк, спорили о возможностях и чувствовалось по их выхоленым, чисто выбритым лицам тот тайный страх, который заставлял хозяина улыбаться... Когда спор разгорелся, и гости, вскочив со своих мест, забыв недопитые рюмки, сгруппировались у грузного полковника, граф встал и загадочно улыбнулся... Потом—тряхнул головой и засмеялся как человек, который задумал хорошенькую шутку, быстро никем незамеченный, вышел из столовой и направился к передней.

* * *

„Это будет отличная шутка!" думал граф, „нарядиться в костюм пролетария, войти в зал и

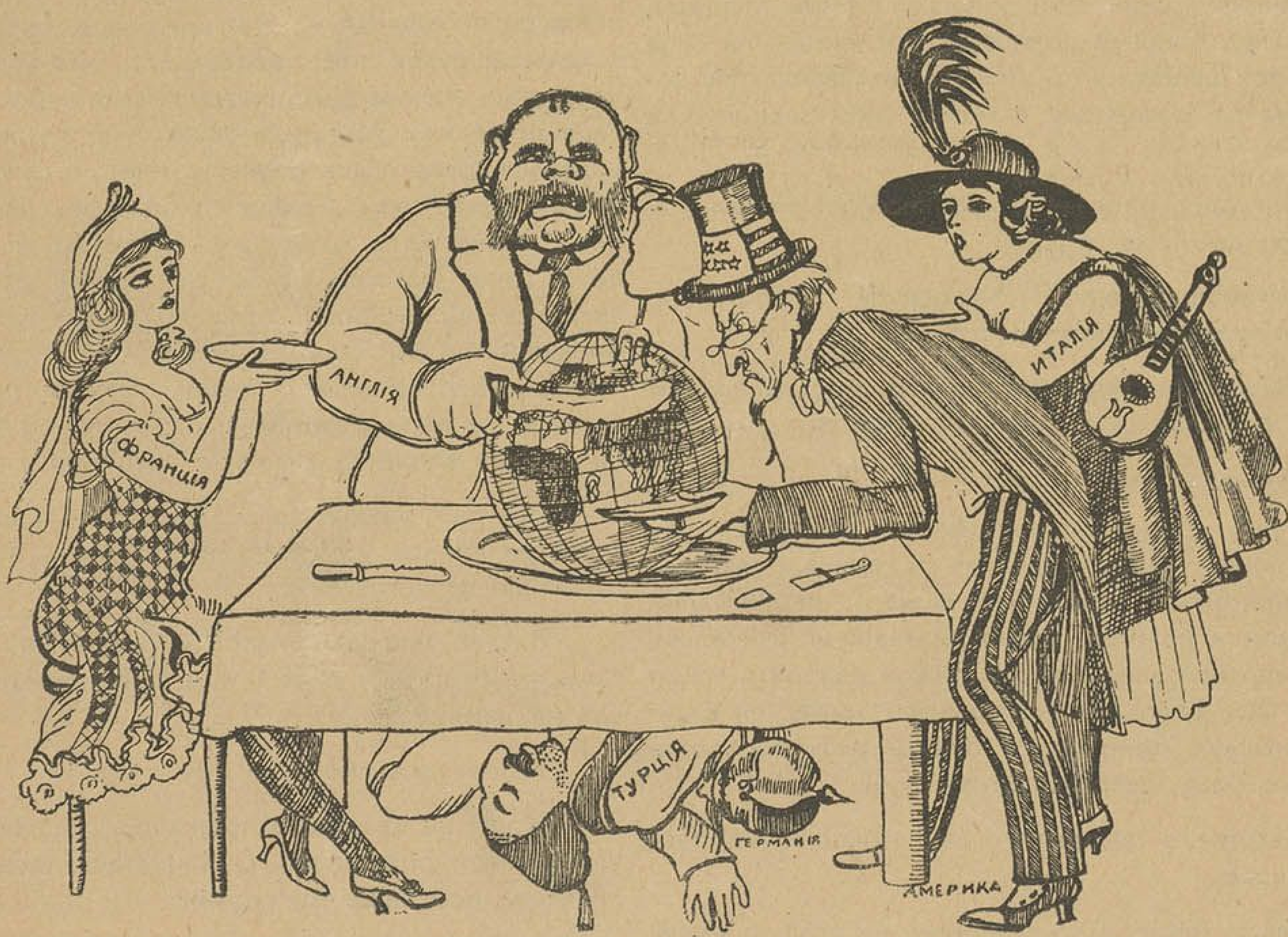
Граф быстро бросился... И в полутьме тамбура, в двух шагах от него, наткнулся на оборванца, судоржно прижимавшего к груди шубу и присевшего на корточки...

Схватить одной рукой незнакомца за горло, другой свернуть ему руку и бросить его на пол для графа было делом одной секунды.. Он уже хотел крикнуть, но что-то сообразив прошептал: „Если шевельнешься или пикнешь—ты пропал!"

Но Васька—Барин не сопротивлялся...

Он только дрожал и тяжелое дыханье со свистом вылетало из зажатого крепкими пальцами графа, горла. Грудь его быстро подымалась и опускалась...

Слышно было как бьется сердце.

„Перекраивают" Европу...

крикнуть: „руки вверх". Это будет замечательно... Но где взять костюм?.. Хорошо-бы какие-нибудь лохмотья... Нужно будет спросить—не найдется-ли чего нибудь у швейцара"...

Войдя в переднюю, и кланяясь приехавшим гостям, он бросил случайный взгляд на массивный, дубовый тамбур и ему показалась быстро юркнувшая фигура за стеклами первых дверей...

Скрутив Васькины руки за спину, граф поднялся и спокойно сказал: „Идем за мной, но не пытайся бежать, иначе получишь пулю в спину!" и, радуясь, что весь инцидент остался никем не замеченный, граф вывел Ваську на улицу, привел к воротам двора, толкнул в калитку и потащил безмолвного Ваську к дворницкой...

Ну-с!..—сказал граф, запирая дверь дворниц-

кой и насмешливо глядя на Ваську:—Что прикажешь делать с тобой?".

— Отпустите, ваше сиятельство!..—мучительно прохрипел Васька.

— Отпустить? Ну, нет голубчик... Я тебе покажу, как таскать из передней шубы... Но это после, а пока раздевайся...

— Ваше сиятельство!

— Говорю тебе раздевайся... Сию минуту..

И граф внушительно опустил руку в карман.

Васька стал быстро снимать свои лохмотья

С удивлением он заметил, что граф раздевается тоже—аккуратно снял крахмальную манишку, положил на стол и брезгливо морщась и улыбаясь вместе, стал примерять Васькину хламиду.

— Отлично—проговорил он, не обращая никакого внимания на дрожащего от холода Ваську и умышленно ероша свои волосы... Затем подвязал себе щеку, одернул лохмотья, посмотрел на себя в осколок дворницкого зеркала и сказал:—Ну теперь ты тут посидишь, а завтра тебя сведут куда следует!.

Он ушел, напевая что-то веселое, защелкнув на ключ дверь за собой...

Оставшись один в запертой дворницкой, Васька просидел минут десять.

Было тихо. Вуруг взгляд его упал на костюм графа и смелая мысль осенила его горячую голову.

Он начал быстро одеваться...

Фрак и крахмальное белье пришлось как раз в пору... Только опухшее от голода и пьянства лицо пришлось тщательно вымыть перед рукомойником и волосы, давно не знавшие гребенки, плохо ложились на прибор. Через двадцать минут туалет был готов и „джентельмен" с легкой сединой в висках подошел к окну и стал пробовать оконную раму, стараясь открыть ее.

Бесшумно выпрыгнул он в окно и очутился в галлерее.

Было темно. Васька пошел на угад и нащупал дверь. Открыв ее, он увидел, что попал в буфетную...

Быстро проскользнув мимо буфетчика, который был занят приготовлением салата, он прошел в вестибюль и здесь встретил несколько человек гостей.

Рослый лакей вежливо ему поклонился...

Его приняли за важного гостя.

Через несколько минут он был в гостиной...

Блестящие приборы, яркие лысины, нежные оголенные плечи дам, ослепительные разрезы фраков—все прыгало, как казалось ему, в каком-то дивном хаосе.

В кабинете хозяина играли в карты. Сосредоточенные лица игроков мельком остановились на нем и опять наклонились к картам.. Васька дотронулся до своего кармана. Оттопыренный бумажник, полный ассигнаций, показался ему сном... Да и все виденное казалось ему грезой. Более десяти лет он не видел общества. Полчаса тому назад он был готов стать вором, что-бы утолить этот страшный, ни с чем не сравнимый по мукам, голод... Теперь он не чувствовал его... Нужно было уходить, хотя среди сотни гостей легко было лавировать. не внушая подозрений... Сердце его билось, но ловко сидящий фрак воскресил его прежнее уменье носить костюмы и подсказывало ему элегантные манеры. „Нужно удирать, скорей удирать"... мелькало в его голове, но он почему-то медлил и величественно вышел из кабинета в маленькую гостиную. Мягкий розовый полумрак шелкового абажура и сильный аромат шацинтов, смешанный с запахом духов так поразил его, что у него закружилась голова.,. В гостиной у столика, в кружевном черном туалете и роскошных мехах сидела красивая дама... Она подняла голову и взглянула... Васька вздрогнул... Сердце похолодело... Эта была она... Елена. Она, которую он и любил и ненавидел; из-за которой он бросил семью, общество, сделался алкоголиком, вором, сидел в тюрьме, бродяжничал из города в город. Он, не зная, что сделает еще, подошел к столу, оперся рукой и смотрел на нее, чувствуя, как струится его горячая кровь, как бешенно колотится его сердце...

Она не узнала его... Взглянула и опустила глаза на альбом, потом взглянула опять и уже не отрывала от него глаз...

В зале заиграли старый знакомый вальс... Слышно было как тикали стрелки мраморных часов на камине...

Теперь она смотрела ему в глаза...

И вот на ее лице задрожало волнение, потом ужас, потом страдание... Она приподнялась и пролепетала побелевшими губами:

— Василий!

Он молчал и тряхнул головой...

— Боже, боже! Ты жив! Жив? Ты!? Ты!...

— Я—сказал Васька.

Потом она быстро встала и пошла по направлению к дверям.

— Елена!—сказал он...

Она быстро повернулась и прошептала:

— Подождите... подожди...—и Васька увидел ее глаза, полные слез и отчаяния и страдание передалось ему: он остановился, держась за колонну...

Она быстро вышла из комнаты... Часы отсчитывали минуты. Вальс сменился мазуркой. У дверей вдруг появился лакей и почтительно сказал, что пани Елена просит ясновельможного пана проводить ее домой,—она уже одевается в передней... Васька не думая и не соображая вышел из комнаты... В передней, закутавшись в чернобурую лисицу и дрожа всем телом ждала она.

Горничная надевала на ее хорошенькую ножку меховой ботик... Елена тихо попросила выйти горничную и лакея и, вдруг прямо взглянула на него. Теперь неудержимая радость и слезы засияли в ее черных глазах...

— Вася! Вася! Любимый мой!—шептала она. —Так это неправда, что ты умер! Боже, чего не говорили про тебя!— Едем, едем сейчас-же ко мне..! Я знаю... Я, я виновата во всем... Едем сейчас-же.

Он остановился на секунду... Потом увидал шубу с бобровым воротником, на которую покушался и решил, что судьба указывает на нее, быстро оделся, взял первую попавшуюся шапку и подал руку, дрожащей, как в лихорадке, пани Елене... Швейцар в передней низко им поклонился...

Великолепный рысак подкатил к под‘езду. И толстый кучер откинул медвежью полость, узнав госпожу, бережно помог им усесться...

Через минуту они уже летели, обдаваемые морозным ветром, а пани Елена шептала дрожа и прижимаясь: „Люблю, люблю!.. Никогда не переставала любить тебя!..“

* * *

Граф вышел из дворницкой, полный надежды

Своя компания.

на веселую шутку. Какой подымется переполох!.. Как славно он посмеется над обществом...

Он еще больше взлахматил волосы, надул губы и уже дотронулся до ручки двери, ведущей в комнаты... Вдруг дверь отворилась... и гроза всех нищих, его холеный красивый гайдук Казимир появился с пустым подносом в руках... Граф не успел издать звука, как мощная рука схватила и пригнула его к полу...

Раздался крик и гайдуки один за другим бросились на графа... Казимир ударил первый и расшиб графу зубы, затем посыпались удары других... Граф кричал, рычал и пробовал отбиваться... Но дюжие руки скрутили его и торжественно потащили в дворницкую.

А. Аркадьев.

Завед. редакцией А. И. Гзовский.

ЦЕНА 3 руб.

25 к